2011 год

Всероссийская олимпиада школьников по литературе
II (муниципальный этап)
11 класс

Задание 1.
По данному фрагменту определите автора и название произведения.(10 б.)

1.

Не видно птиц. Покорно чахнет
Лес, опустевший и больной.
Грибы сошли, но крепко пахнет
В оврагах сыростью грибной.

Глушь стала ниже и светлее,
В кустах свалялася трава,
И, под дождем осенним тлея,
Чернеет темная листва.

2.

<…>
Я так люблю осенний лес,
Над ним – сияние небес,
Что я хотел бы превратиться
Или в багряный тихий лист,
Иль в дождевой веселый свист.
Но, превратившись, возродиться
И возвратиться в отчий дом,
Чтобы однажды в доме том
Перед дорогою большою
Сказать: - Я был в лесу листом, -
Сказать: - Я был в лесу дождем!

3.

<…>
Осенний холод ласково и кротко
Крадется к овсяному двору;
Сквозь синь стекла желтоволосый отрок
Лучит газа на галочью игру.

Обняв трубу, сверкает по повети
Зола зеленая из розовой печи.
Кого-то нет, и тонкогубый ветер
О ком-то шепчет, сгинувшем в ночи.

4.

Я отворил окно. Осенняя прохлада
Струею полилась в мою больную грудь.
Как тихо в глубине увянувшего сада!
Туда, как в темный склеп, боюсь я заглянуть.

Поблек и облетел убор его красивый;

От бури и дождя ничем не защищен,
Качаясь и дрожа, стоит он сиротливо,
И в шелесте ветвей печальный слышен стон.

5.

<…>
Даль глубоко прозрачна, чиста,
Месяц полный плывет над дубравой,
И господствуют в небе цвета
Голубой, беловатый, лиловый.
Воды ярко блестят средь полей,
А земля прихотливо одета
В волны белого лунного света
И узорчатых, странных теней.
От больших очертаний картины
До тончайших сетей паутины,
Что, как иней, к земле прилегли,
Все отчетливо видно: далече
Потянулися полосы гречи,
Красной лентой по скату прошли;
Замыкающий сонные нивы,
Лес сквозит, весь усыпан листвой;
Чудных красок его переливы
Под играющей ясной луной…

Задание 2. Прочитайте биографические сведения о поэтах и писателях, которые представлены ниже. По представленным сведениям определите, о ком идет речь.(8.б)

1. Этот поэт в свое время приступил к изданию журнала «Вестник Европы». По тематике журнал был разнообразен любого другого русского журнала тех лет.

В нем писались переводы иностранных авторов и произведения лучших русских литераторов, помещались серьезные критические и публицистические статьи. Большое место в журнале занимали произведения самого издателя. «Никто из журналистов наших… - свидетельствует И.И. Дмитриев, - не был богатее и разнообразнее [этого писателя] в собственных сочинениях. Мы видели в нем и политика, и патриота, и критика, и моралиста». «Вестник Европы, - свидетельствовал один из современников, - по всей справедливости может назваться лучшим нашим журналом».

На страницах своего журнала писатель впервые выступил как историк. Много позже его исторический труд раскупали нарасхват: в один месяц, например, было продано 3000 экземпляров.

2. Этот известный русский писатель девятилетним мальчиком был записан солдатом в Семёновский полк и числился там «недорослем», отпущенным со службы для прохождения «указных наук».

В апреле 1755 года в Москве открылся университет. Будущий писатель был зачислен в дворянскую гимназию, и уже в гимназические годы он внимательно присматривается к окружающей жизни, изучает московский быт. Именно в Москве в нём пробуждается талант сатирика. Причём в качестве мишени он избирает не людские пороки, а порочных людей. «Весьма рано появилась во мне склонность к сатире, - вспоминал он. – Острые слова мои носились по Москве; а как они были для многих язвительны, то обиженные оглашали меня злым и опасным мальчишкою… Меня стали скоро бояться, потом ненавидеть; и я вместо того, чтоб привлечь к себе людей, отгонял их

от себя и словами и пером. Сочинения мои были острые ругательства: много было в них сатирической соли…»

В двадцать лет он стал известным писателем – автором многих сатирических стихотворений и популярной пьесы.

3. Первое произведение этого великого русского писателя изумило читателей своим искромётным юмором. Широкая публика была в восторге. С особой симпатией и любопытством отнёсся к его сочинению круг московской интеллигенции, славившейся исключительной осведомлённостью в вопросах литературы. Сам автор, хотя и был рад, не считал своё первое произведение чем–то особенно значительным, был захвачен «необозримо-величественными» замыслами, мечтая создать «что-нибудь увесистое, великое, художественное». Спустя годы из-под пера писателя вышли произведения, ставшие классикой русской литературы.

Один из почитателей таланта великого писателя записал следующий случай, имевший место в одном из московских домов: «Гостей было человек семьдесят. Обедали в палатке, украшенной цветами; в саду гремела полковая музыка. […][1] опоздал… Я сидел возле зелёного стола, за которым играли в ералаш три сенатора и военный генерал. Один из сенаторов, в военном же мундире, с негодованием посмотрел на […] [2]

«Не могу видеть этого человека,»-сказал он наконец… «Ведь это революционер, - продолжал военный сенатор, я удивляюсь, право, как это пускают его в порядочные дома? Когда я был губернатором и когда давали его пиесы в театре, поверите ли, что при всякой глупой шутке или какой-нибудь пошлости, насмешке над властью весь партер обращался к губернаторской ложе. Я не знал, куда деться, наконец, не вытерпел и запретил давать его пиесы. У меня в губернии никто думать не смел о […][3] и других его сочинениях. Я всегда удивлялся, как это правительство наше не обращало внимания на него: ведь его стоило бы, за эти […][4] и в особенности за […][5,] сослать в такое место, куда ворон костей не заносит!»

4.. На исходе 1824 года по Москве распространился слух, будто появилась пьеса, в которой высмеяно Московское высшее общество, изображённое в злой карикатуре. Автор её сделался предметом всеобщего любопытства и толков. Пьеса, написанная им, стала ходить по рукам и разошлась не только по Петербургу, но и по всей читающей России. Пьеса ошеломила читателей не только глубиной содержания, но и блистательным языком, едкой сатирой и остроумием.

Автор наделавшей столько шума пьесы родился в Москве, в старинной дворянской семье. Мать его, мечтая о блестящей карьере сына, ничего не жалела для его образования.

В возрасте восьми лет его определили в Благородный пансион – лучшее учебное заведение Москвы, готовившее к поступлению в университет.

Вскоре он стал студентом Московского университета. За шесть с половиной лет он окончил курс словесного и юридического факультетов, занимался гуманитарными, естественными и точными науками. По общему признанию современников, он вышел из университета одним из самых образованных людей России.

Поэту предсказывали блестящую карьеру на государственном поприще, однако он в разговоре с другом однажды сказал так: «…друг мой, буду ли я когда-нибудь независим от людей? От семейства, от службы, от цели в жизни, которую себе назначил и, может статься, наперекор судьбе? Поэзия! Люблю её без памяти, страстно, но кто нас уважает, певцов, истинно вдохновенных, в том краю, где достоинство ценится в прямом

---

[1]В скобках указана фамилия писателя

[2] В скобках указана фамилия писателя

[3]Название одного из произведений писателя

[4] Название ещё одного произведения писателя

[5] Название произведения, упомянутого в сноске №3

содержании к числу орденов и крепостных рабов? Любой крез Шереметев заменит из нас Омира. Мучение быть пламенным мечтателем в краю вечных снегов».

Задание 3. Прочитайте информацию о писателе и одном из его произведений, представленную ниже. Определите, как называется произведение т кто его автор. (3 б.)

Этот писатель, став знаменитым, советовал начинающему литератору: «Необходимо чувство личной свободы, а это чувство стало разгораться во мне только недавно. Раньше его у меня не было. <…> Напишите-ка рассказ о том, как молодой человек, сын крепостного, бывший лавочник, певчий гимназист и студент, воспитанный на чинопочитании, целовании поповских рук, поклонении чужим мыслям, благодаривший за каждый кусок хлеба, много раз сеченый <…> - напишите, как этот молодой человек выдавливает из себя по каплям раба, и как он, проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая человеческая…»

Более того, одно из произведений этого писателя – пример кропотливой работы автора, над своими рассказами. Впервые этот рассказ был напечатан в 1883 году, в 1886 году – второй вариант, а в1888 – третий, окончательный вариант рассказа.

Писатель вносил в текст существенные изменения. Например, в первом варианте рассказа один из героев держится свысока, кричит, ругается, пресекает окриком приятельский тон другого.

Однако перед тем как поместить рассказ в сборник, писатель переработал его и изобразил этого героя иначе: он уже не раздражается, не кричит, а искренне рад встрече.

Задание 4. (6 б.)

Однажды Незнайка пришел к Цветику и сказал:

- Слушай, Цветик, научи меня сочинять стихи. Я тоже хочу быть поэтом.
- А у тебя способности есть? – спросил Цветик.
- Конечно, есть. Я очень способный, - ответил Незнайка.
- Это надо проверить, - сказал Цветик. – Ты знаешь, что такое рифма?
- Рифма? Нет, не знаю.
- Рифма – это <…>, - объяснил Цветик. – Например: утка – шутка, коржик – моржик. Понял?
- Понял.
- Ну, скажи, рифму на слово «палка».
- Селедка, - ответил Незнайка.
- Какая же это рифма: палка – селедка? Никакой рифмы нет в этих словах.
- Почему нет? <…>

Конечно, без способностей - никуда. И все-таки попробуйте объяснить, почему слова «палка» и «селедка» не рифмуются, а слова «порядку - зарядку», «день - лень», «поздно - серьезно» рифмуются. В чем разница?

Задание 5. (3 б)

В 1580 году философ-гуманист Мишель Монтень выпустил свою книгу «Опты». Именно она положила начало этому жанру. Его название в переводе означает «попытка», «проба», «опыт».

Этот жанр - «частью признание, как дневник, частью рассуждение, как статья, частью повествование, как рассказ. Это жанр, который только и держится своей принципиальной внежанровостью. Стоит ему обрести полную откровенность, чистосердечность интимных излияний – и он превращается в исповедь или дневник. Стоит увлечься логикой рассуждения, процессом порождения мысли – перед нами статья

или трактат. Стоит впасть в повествовательную манеру, изображение событий… - и… невольно возникает новелла, рассказ, повесть», говорит об этом жанре М. Энштейн. Такую особенность жанра можно проследить по заголовкам произведений: «Заметки о поэзии» О. Мандельштама, «Повесть о Сонечке» М. Цветаевой, «Письмо Горацию» И. Бродского, «Слово о Пушкине» Ф. Искандера.

А еще многие произведения этого жанра носят названия с предлогом О и союзом ИЛИ, например: «О природе слова» О. Мандельштама, «Состояние, которое мы, называем изгнанием, или Попутного ретро И. Бродского, «Пушкин, или Правда и правдоподобие» В. Набокова, «Поэзия Добычина, или Анализ забытого творчества» В. Ерофеева и.т.д.

Более того, постоянно видоизменяясь на протяжении уже более четырех веков, жанр пока не сформировал окончательно своей жанровой специфики. Она включает в себя самые разные философские, исторические, критические, биографические, автобиографические, публицистические, моральные, научно-популярные сочинения.

«Профессиональный дилетант» - так можно назвать автора, пишущего в этом жанре.

Назовите жанр, о котором идет речь.

Задание 6. Ниже Вам предложены два рассказа. Первый рассказ – «Последний лист» О. Генри, а второй – «Там, где чисто, светло» Э Хемингуэя. Выберите только ОДИН из предложенных рассказов. Напишите рецензию на этот рассказ.(20 б.)

О. Генри

Последний лист

В небольшом квартале к западу от Вашингтон-сквера улицы перепутались и переломались в короткие полоски, именуемые проездами. Эти проезды образуют странные углы и кривые линии. Одна улица там даже пересекает самое себя раза два. Некоему художнику удалось открыть весьма ценное свойство этой улицы. Предположим, сборщик из магазина со счетом за краски, бумагу и холст повстречает там самого себя, идущего восвояси, не получив ни единого цента по счету!

И вот в поисках окон, выходящих на север, кровель XVIII столетия, голландских мансард и дешевой квартирной платы люди искусства набрели на своеобразный квартал Гринич-Виллидж. Затем они перевезли туда с Шестой авеню несколько оловянных кружек и одну-две жаровни и основали колонию.

Студия Сью и Джонси помещалась наверху трехэтажного кирпичного дома. Джонси — уменьшительное от Джоанны. Одна приехала из штата Мэн, другая — из Калифорнии. Они познакомились за табльдотом одного ресторанчика на Восьмой улице и нашли, что их взгляды на искусство, цикорный салат и модные рукава вполне совпадают. В результате и возникла общая студия.

Это было в мае. В ноябре неприветливый чужак, которого доктора именуют Пневмонией, незримо разгуливал по колонии, касаясь то одного, то другого своими ледяными пальцами. По Ист-Сайду этот душегуб шагал смело, поражая десятки жертв, но здесь, в лабиринте узких, поросших мохом переулков, он плелся нога за ногу.

Господина Пневмонию никак нельзя было назвать галантным старым джентльменом. Миниатюрная девушка, малокровная от калифорнийских зефиров, едва ли могла считаться достойным противником для дюжего старого тупицы с красными кулачищами и одышкой. Однако он свалил ее с ног, и Джонси лежала неподвижно на крашеной железной кровати, глядя сквозь мелкий переплет голландского окна на глухую стену соседнего кирпичного дома.

Однажды утром озабоченный доктор одним движением косматых седых бровей вызвал Сью в коридор.

— У нее один шанс... ну, скажем, против десяти, — сказал он, стряхивая ртуть в термометре. — И то если она сама захочет жить. Вся наша фармакопея теряет смысл, когда люди начинают действовать в интересах гробовщика. Ваша маленькая барышня решила, что ей уже не поправиться. О чем она думает?

—Ей... ей хотелось написать красками Неаполитанский залив.

—Красками? Чепуха! Нет ли у нее на душе чего-нибудь такого, о чем действительно стоило бы думать, — например, мужчины?

—Мужчины? — переспросила Сью, и ее голос зазвучал резко, как губная гармоника. — Неужели мужчина стоит... Да нет, доктор, ничего подобного нет.

—Ну, тогда она просто ослабла, — решил доктор. — Я сделаю все, что буду в силах сделать как представитель науки. Но когда мой пациент начинает считать кареты в своей похоронной процессии, я скидываю пятьдесят процентов с целебной силы лекарств. Если вы сумеете добиться, чтобы она хоть один раз спросила, какого фасона рукава будут носить этой зимой, я вам ручаюсь, что у нее будет один шанс из пяти вместо одного из десяти.

После того как доктор ушел, Сью выбежала в мастерскую и плакала в японскую бумажную салфеточку до тех пор, пока та не размокла окончательно. Потом она храбро вошла в комнату Джонси с чертежной доской, насвистывая рэгтайм.

Джонси лежала, повернувшись лицом к окну, едва заметная под одеялами. Сью перестала насвистывать, думая, что Джонси уснула. Она пристроила доску и начала рисунок тушью к журнальному рассказу. Для молодых художников путь в Искусство бывает вымощен иллюстрациями к журнальным рассказам, которыми молодые авторы мостят себе путь в Литературу.

Набрасывая для рассказа фигуру ковбоя из Айдахо в элегантных бриджах и с моноклем в глазу, Сью услышала тихий шепот, повторившийся несколько раз. Она торопливо подошла к кровати. Глаза Джонси были широко открыты. Она смотрела в окно и считала — считала в обратном порядке.

— Двенадцать, — произнесла она, и немного погодя: — одиннадцать, — а потом: — десять и девять, — а потом: — восемь и семь, — почти одновременно.

Сью посмотрела в окно. Что там было считать? Был виден только пустой, унылый двор и глухая стена кирпичного дома в двадцати шагах. Старый-старый плющ с узловатым, подгнившим у корней стволом заплел до половины кирпичную стену. Холодное дыхание осени сорвало листья с лозы, и оголенные скелеты ветвей цеплялись за осыпающиеся кирпичи.

— Что там такое, милая? — спросила Сью.

—Шесть, — едва слышно ответила Джонси. — Теперь они облетают быстрее. Три дня назад их было почти сто. Голова кружилась считать. А теперь это легко. Вот и еще один полетел. Теперь осталось только пять.

—Чего пять, милая? Скажи своей Сьюди.

—Листьев. На плюще. Когда упадет последний лист, я умру. Я это знаю уже три дня. Разве доктор не сказал тебе?

—Первый раз слышу такую глупость! — с великолепным презрением отпарировала Сью. — Какое отношение могут иметь листья на старом плюще к тому, что ты поправишься? А ты еще так любила этот плющ, гадкая девочка! Не будь глупышкой. Да ведь еще сегодня утром доктор говорил мне, что ты скоро выздоровеешь... позволь, как же это он сказал?., что у тебя десять шансов против одного. А ведь это не меньше, чем у каждого из нас здесь, в Нью-Йорке, когда едешь в трамвае или идешь мимо нового дома. Попробуй съесть немножко бульона и дай твоей Сьюди закончить рисунок, чтобы она могла сбыть его редактору и купить вина для своей больной девочки и свиных котлет для себя.

—Вина тебе покупать больше не надо, — отвечала Джонси, пристально глядя в окно. — Вот и еще один полетел. Нет, бульона я не хочу. Значит, остается всего четыре. Я хочу

видеть, как упадет последний лист. Тогда умру и я.

—Джонси, милая, — сказала Сью, наклоняясь над ней, — обещаешь ты мне не открывать глаз и не глядеть в окно, пока я не кончу работать? Я должна сдать эти иллюстрации завтра. Мне нужен свет, а то я спустила бы штору.

—Разве ты не можешь рисовать в другой комнате? — холодно спросила Джонси.

—Мне бы хотелось посидеть с тобой, — сказала Сью. — А кроме того, я не желаю, чтобы ты глядела на эти дурацкие листья.

—Скажи мне, когда кончишь, — закрывая глаза, произнесла Джонси, бледная и неподвижная, как поверженная статуя, — потому что мне хочется видеть, как упадет последний лист. Я устала ждать. Я устала думать. Мне хочется освободиться от всего, что меня держит, — лететь, лететь все ниже и ниже, как один из этих бедных, усталых листьев.

—Постарайся уснуть, — сказала Сью. — Мне надо позвать Бермана, я хочу писать с него золотоискателя-отшельника. Я самое большее на минутку. Смотри же, не шевелись, пока я не приду.

Старик Берман был художник, который жил в нижнем этаже, под их студией. Ему было уже за шестьдесят, и борода, вся в завитках, как у Моисея Микеланджело, спускалась у него с головы сатира на тело гнома. В искусстве Берман был неудачником. Он все собирался написать шедевр, но даже и не начал его. Уже несколько лет он не писал ничего, кроме вывесок, реклам и тому подобной мазни ради куска хлеба. Он зарабатывал кое-что, позируя молодым художникам, которым профессионалы-натурщики оказывались не по карману. Он пил запоем, но все еще говорил о своем будущем шедевре. А в остальном это был злющий старикашка, который издевался над всякой сентиментальностью и смотрел на себя как на сторожевого пса, специально приставленного для охраны двух молодых художниц.

Сью застала Бермана, сильно пахнущего можжевеловыми ягодами, в его полутемной каморке нижнего этажа. В одном углу уже двадцать пять лет стояло на мольберте нетронутое полотно, готовое принять первые штрихи шедевра. Сью рассказала старику про фантазию Джонси и про свои опасения насчет того, как бы она, легкая и хрупкая, как лист, не улетела от них, когда ослабнет ее непрочная связь с миром. Старик Берман, чьи красные глаза очень заметно слезились, раскричался, насмехаясь над такими идиотскими фантазиями.

—Что! — кричал он. — Возможна ли такая глупость — умирать оттого, что листья падают с проклятого плюща! Первый раз слышу. Нет, не желаю позировать для вашего идиота-отшельника. Как вы позволяете ей забивать себе голову такой чепухой? Ах, бедная маленькая мисс Джонси!

—Она очень больна и слаба, — сказала Сью, — и от лихорадки ей приходят в голову разные болезненные фантазии. Очень хорошо, мистер Берман, если вы не хотите мне позировать, то и не надо. А я все-таки думаю, что вы противный старик... противный старый болтунишка.

—Вот настоящая женщина! — закричал Берман. — Кто сказал, что я не хочу позировать? Идем. Я иду с вами. Полчаса я говорю, что хочу позировать. Боже мой! Здесь совсем не место болеть такой хорошей девушке, как мисс Джонси. Когда-нибудь я напишу шедевр, и мы все уедем отсюда. Да, да!

Джонси дремала, когда они поднялись наверх. Сью спустила штору до самого подоконника и сделала Берману знак пройти в другую комнату. Там они подошли к окну и со страхом посмотрели на старый плющ. Потом переглянулись, не говоря ни слова. Шел холодный упорный дождь пополам со снегом. Берман в старой синей рубашке уселся в позе золотоискателя-отшельника на перевернутый чайник вместо скалы.

На другое утро Сью, проснувшись после короткого сна, увидела, что Джонси не сводит тусклых, широко раскрытых глаз со спущенной зеленой шторы.

— Подними ее, я хочу посмотреть, — шепотом скомандовала Джонси.

Сью устало повиновалась.

И что же? После проливного дождя и резких порывов ветра, не унимавшихся всю ночь, на кирпичной стене еще виднелся один лист плюща — последний! Все еще темно-зеленый у стебелька, но тронутый по зубчатым краям желтизной тления и распада, он храбро держался на ветке в двадцати футах над землей.

—Это последний, — сказала Джонси. — Я думала, что он непременно упадет ночью. Я слышала ветер. Он упадет сегодня, тогда умру и я.

—Да бог с тобой! — сказала Сью, склоняясь усталой головой к подушке. — Подумай хоть обо мне, если не хочешь думать о себе! Что будет со мной?

Но Джонси не отвечала. Душа, готовясь отправиться в таинственный, далекий путь, становится чуждой всему земному. Болезненная фантазия завладевала Джонси все сильнее, по мере того как одна за другой рвались все нити, связывавшие ее с жизнью и людьми.

День прошел, и даже в сумерки они видели, что одинокий лист плюща держится на своем стебельке на фоне кирпичной стены. А потом, с наступлением темноты, опять поднялся северный ветер, и дождь беспрерывно стучал в окна, скатываясь с низко нависшей голландской кровли.

Как только рассвело, беспощадная Джонси велела снова поднять штору.

Лист плюща все еще оставался на месте.

Джонси долго лежала, глядя на него. Потом позвала Сью, которая разогревала для нее куриный бульон на газовой горелке.

— Я была скверной девчонкой, Сьюди, — сказала Джонси. — Должно быть, этот последний лист остался на ветке для того, чтобы показать мне, какая я была гадкая. Грешно желать себе смерти. Теперь ты можешь дать мне немножко бульона, а потом молока с портвейном...Хотя нет: принеси мне сначала зеркальце, а потом обложи меня подушками, и я буду сидеть и смотреть, как ты стряпаешь.

Часом позже она сказала:

— Сьюди, я надеюсь когда-нибудь написать красками Неаполитанский залив.

Днем пришел доктор, и Сью под каким-то предлогом вышла за ним в прихожую.

— Шансы равные, — сказал доктор, пожимая худенькую, дрожащую руку Сью. — При хорошем уходе вы одержите победу. А теперь я должен навестить еще одного больного, внизу. Его фамилия Берман. Кажется, он художник. Тоже воспаление легких. Он уже старик и очень слаб, а форма болезни тяжелая. Надежды нет никакой, но сегодня его отправят в больницу, там ему будет покойнее.

На другой день доктор сказал Сью:

— Она вне опасности. Вы победили. Теперь питание и уход — и больше ничего не нужно.

В тот же день к вечеру Сью подошла к кровати, где лежала Джонси, с удовольствием довязывая ярко-синий, совершенно бесполезный шарф, и обняла ее одной рукой — вместе с подушкой.

— Мне надо кое-что сказать тебе, белая мышка, — начала она. —Мистер Берман умер сегодня в больнице от воспаления легких. Он болел всего только два дня. Утром первого дня швейцар нашел бедного старика на полу в его комнате. Он был без сознания. Башмаки и вся его одежда промокли насквозь и были холодны как лед. Никто не мог понять, куда он выходил в такую ужасную ночь. Потом нашли фонарь, который все еще горел, лестницу, сдвинутую с места, несколько брошенных кистей и палитру с желтой и зеленой красками. Посмотри в окно, дорогая, на последний лист плюща. Тебя не удивляло, что он не дрожит и не шевелится от ветра? Да, милая, это и есть шедевр Бермана — он написал его в ту ночь, когда слетел последний лист.

Э. Хемингуэй

Там, где чисто, светло

Был поздний час, и никого не осталось в кафе, кроме одного старика,— он сидел в тени дерева, которую отбрасывала листва, освещенная электрическим светом. В дневное время на улице было пыльно, но к ночи роса прибивала пыль, и старику нравилось сидеть допоздна потому, что он был глух, а по ночам было тихо, и он это ясно чувствовал. Оба официанта в кафе знали, что старик подвыпил, и хоть он и хороший гость, но они знали, что если он слишком много выпьет, то уйдет, не заплатив; потому они и следили за ним.

— На прошлой неделе покушался на самоубийство,— сказал один.

— Почему?

— Впал в отчаяние.

— От чего?

— Ни от чего.

— А ты откуда знаешь, что ни от чего?

— У него уйма денег.

Оба они сидели за одним столиком у стены возле самой двери и смотрели на террасу, где все столики были пусты, кроме одного, за которым сидел старик в тени дерева, листья которого слегка покачивались на ветру. Солдат и девушка прошли по улице. Свет уличного фонаря блеснул на медных цифрах у него на воротнике. Девушка шла с непокрытой головой и спешила, чтобы не отстать.

— Патруль заберет его,— сказал официант.

— Какая ему разница, он своего добился.

— Ему бы сейчас лучше с этой улицы уйти. Прямо на патруль наскочит. И пяти минут нет, как прошли.

Старик, что сидел в тени, постучал рюмкой о блюдце. Официант помоложе вышел к нему.

— Вам чего?

Старик посмотрел на него.

— Еще коньяку,— сказал он.

— Вы будете пьяны,— сказал официант. Старик смотрел на него. Официант ушел.

— Всю ночь просидит,— сказал он другому.— Я совсем сплю. Раньше трех никогда не ляжешь. Лучше бы он помер на прошлой неделе.

Официант взял со стойки бутылку коньяку и чистое блюдце и направился к столику, где сидел старик. Он поставил блюдце и налил рюмку дополна.

— Ну, что бы вам помереть на прошлой неделе,— сказал он глухому. Старик пошевелил пальцем.

— Добавить еще,— сказал он.

Официант долил в рюмку еще столько, что коньяк потек через край, по рюмке, прямо в верхнее блюдце из тех, что скопились перед стариком.

— Благодарю,— сказал старик.

Официант унес бутылку обратно в кафе. Он снова подсел за столик у двери.

— Он уже пьян,— сказал он.

— Каждую ночь пьян.

— Зачем ему было на себя руки накладывать?

— Откуда я знаю.

— А как он это сделал?

— Повесился на веревке.

— Кто ж его из петли вынул?

— Племянница.

— И к чему это она?
— За его душу испугалась.
— А сколько у него денег?
— Уйма.
— Ему, должно быть, лет восемьдесят.
— Я бы меньше не дал.
— Шел бы он домой. Никогда раньше трех не ляжешь. Разве это дело?
— Нравится ему, вот и сидит.
— Скучно ему одному. А я не один — меня жена в постели ждет.
— И у него когда-то жена была.
— Теперь ему жена ни к чему.
— Ну, не скажи. С женой ему, может быть, лучше было бы.
— За ним племянница ходит.
— Знаю. Ты ведь сказал — это она вынула его из петли.
— Не хотел бы я дожить до его лет. Противные эти старики.
— Не всегда. Он старик аккуратный. Пьет, ни капли не прольет. Даже сейчас, когда пьяный. Посмотри.
— Не хочу и смотреть на него. Скорей бы домой шел. Никакого ему дела нет до тех, кому работать приходится.

Старик перевел взгляд с рюмки на другую сторону площади, потом — на официантов.

— Еще коньяку,— сказал он, показывая на рюмку. Тот официант, который спешил домой, вышел к нему.

— Конец,— сказал он так, как говорят люди неумные с пьяными или иностранцами.— На сегодня ни одной больше. Закрываемся.

— Еще одну,— сказал старик.

— Нет. Кончено.

Официант вытер край столика полотенцем и покачал головой.

Старик встал, не спеша сосчитал блюдца, вынул из кармана кожаный кошелек и заплатил за вино, оставив полпесеты на чай. Официант смотрел ему вслед. Старик был очень стар, шел неуверенно, но с достоинством.

— Почему ты не дал ему еще посидеть и выпить? — спросил официант, тот, что не спешил домой. Они стали закрывать ставни.— Ведь еще и половины третьего нет.

— Я хочу домой, спать.

— Ну, один час, какая разница?

— Для меня — больше, чем для него.

— Час для всех — час.

— Ты и сам, как старик, рассуждаешь. Можешь купить себе бутылку и выпить дома.

— Это совсем иное дело.

— Да, это верно,— согласился женатый. Он не хотел быть несправедливым. Просто он очень спешил.

— А ты? Не боишься идти домой раньше обычного?

— Ты что, оскорбить меня хочешь?

— Нет, друг, просто шучу.

— Нет,— сказал тот, который спешил. Он запер внизу ставню и выпрямился.— Доверие. Полное доверие.

— У тебя и молодость, и доверие, и работа есть,— сказал официант постарше.— Что еще человеку надо.

— А тебе чего не хватает?

— А у меня всего только работа.

— У тебя все то же, что у меня.

— Нет. Доверия у меня никогда не было, а молодость прошла.

— Ну, чего стоишь? Перестань болтать глупости, давай запирать будем.

— А я вот люблю засиживаться в кафе,— сказал официант постарше.— Я из тех, кто не спешит в постель. Из тех, кому ночью нужен свет.

— Я хочу домой, спать.

— Разные мы люди,— сказал официант постарше. Он уже оделся, чтобы уходить.— Дело вовсе не только в молодости и доверии, хотя и то и другое чудесно. Каждую ночь мне не хочется закрывать кафе потому, что кому-нибудь оно очень нужно.

— Ну что ты, ведь кабачки всю ночь открыты.

— Не понимаешь ты ничего. Здесь чисто, опрятно в кафе. Свет яркий. Свет это — большое дело, а тут вот еще и тень от дерева.

— Спокойной ночи,— сказал официант помоложе.

— Спокойной ночи,— сказал другой.

Выключая электрический свет, он продолжал разговор сам с собой. Главное, конечно, свет, но нужно, чтобы и чисто было и опрятно. Музыка ни к чему. Конечно, музыка ни к чему. У стойки с достоинством и не постоишь, а в такое время больше и пойти некуда. А чего ему бояться? Да и не в страхе дело, не в боязни! Ничто — и оно ему так знакомо. Все — ничто, да и сам человек — ничто. Вот в чем дело, и ничего, кроме света, не надо, да еще чистоты и порядка. Некоторые живут и никогда этого не чувствуют, а он-то знает, что все это nada y pues nada ynada y pues nada[6]. Отче ничто, да святится ничто твое, да приидет ничто твое, да будет ничто твое, яко в ничто и в ничто. Nada y pues nada.

Он усмехнулся и остановился возле бара с блестящим титаном для кофе.

— Для вас? — спросил бармен.

— Nada.

— Otro loco mas[7],— сказал бармен и отвернулся.

— Маленькую чашечку,— сказал официант. Бармен налил ему кофе.

— Свет яркий, приятный, а вот стойка не начищена,— сказал официант.

Бармен посмотрел на него, но ничего не ответил. Был слишком поздний час для разговоров.

— Еще одну прикажете? — спросил бармен.

— Нет, благодарю вас,— сказал официант и вышел.

Он не любил баров и погребков. Чистое, ярко освещенное кафе — совсем другое дело. Теперь, ни о чем больше не думая, он пойдет домой, в свою комнату. Ляжет в постель и на рассвете наконец уснет. В конце концов, сказал он сам себе, может быть, это просто бессонница. Со многими бывает.

1933 г.

---

[6] Ничто и только ничто, ничто и только ничто (испанок.)

[7] Еще один полоумный (испанск.)